
А. А. Хисматулин

Виды мусульманской научной литературы в X—XV вв.: сочинения (*тасниф*) и компиляции (*та'лиф*)

1. *Преамбула*

Тасниф (تصنيف, букв.: «классификация») и *та'лиф* (تأليف, букв.: «составление») — два вида научного творчества, которые наиболее отчетливо выделяются в средневековой мусульманской литературе. Разница между ними приблизительно такая же, как между сочинением и компиляцией, докторской диссертацией и студенческой дипломной работой, между чем-то новаторским, необычным, с одной стороны, и традиционным, возможно для кого-то приевшимся и набившим оскомину, с другой. Если эти два термина не рассматривать в качестве взаимозаменяемых синонимов при составлении разного рода каталогов, в ходе написания обзоров и исследований по эволюции арабской и персидской литературы, то в любой серьезной научной работе можно увидеть базовые схемы построения текста (каноны, модели, архетипы, образцы, паттерны), общие места композиции, изменение в приемах и подходах и т. д., т. е. можно представить, каким образом наш средневековый коллега, мусульманский ученый, работал и на какого читателя он ориентировался. Иными словами, в каждом конкретном произведении у нас появится возможность отчетливо увидеть кухню творчества и использовать при этом привычный рецепт приготовления текста — формулу, отражавшую определенный набор ожиданий со стороны читающей публики, или, наоборот, новаторский рецепт — слом старой формулы и стереотипа восприятия письменной информации и появление новой формулы.

Попытки исследований в этом направлении предпринимаются уже давно, однако говорить о познании всех рецептов кухни творчества средневековых мусульманских ученых, увы, пока не приходится. Такой результат в современных исследованиях был во многом предопределен изначальным отсутствием разграниче-

ния между *таснифами* и *та'лифами* и соответственно между сочинителями (*мусаннифами*) и компиляторами (*му'аллифами*), т. е. ничем не обоснованным исключением из сферы исследования оригинальной терминологии и критериев. В противном случае на сегодня мы уже имели бы для средневековой мусульманской литературы нечто вроде труда Эрнста Роберта Куртиуса «Европейская литература и латинское Средневековье» или исследования Джона Г. Кавелти «Приключение, тайна и любовная история: формульные повествования как искусство и популярная культура».

2. Тяга к новизне

Многим, возможно, покажется удивительным тот факт, что, несмотря на кажущуюся консервативность и традиционность средневековой мусульманской научной литературы, мусульманские ученые питали явную склонность к разного рода литературным изыскам и новшествам. Наши средневековые коллеги знали и нередко указывали в своих работах, кто, когда, где и о чем написал вообще первую книгу в сформировавшейся среде мусульманских ученых, кто сделал это первым в определенной отрасли исследований, став, таким образом, основателем, к примеру, письменного хадисоведения, историографии или географии, кто ввел изменения в общепринятую манеру подачи материала в рамках какого-либо уже оформившегося жанра научной литературы и в чем состояли эти изменения. Чтобы не быть голословным, приведу высказывание *имама* ал-Газали (ум. 1111) об истоках мусульманской науки.

بل الكتب والتصانيف محدثة، لم يكن شيء منها في زمن الصحابة وصدور التابعين. وإنما حدثت بعد سنة مائة وعشرين من الهجرة وبعد وفاة جميع الصحابة وجلة التابعين، رضى الله عنهم <...> وقيل أول كتاب صنّف في الإسلام كتاب ابن جريج في الآثار وحروف التفاسير عن مجاهد وعطاء وأصحاب ابن عباس، رضى الله عنهم، بمكة. ثم كتاب معمر بن راشد الصنعاني باليمن جمع فيه سنننا مأثورة نبوية. ثم كتاب الموطاء بالمدينة لمالك بن أنس. ثم جامع سفيان الثوري. ثم في القرن الرابع حدثت مصنفات الكلام وكثر الخوض في الجدال والغوص في ابطال المقالات...

«Ведь книги и сочинения (*ал-тасаниф*) являются новшеством, ничего подобного которому не существовало во

¹ E. R. Curtius, *Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter* (Bern—München, 1948); J. G. Cawelti, *Adventure, Mystery and Romance: Formula Stories as Art and Popular Culture* (Chicago, 1976).

времена сподвижников [пророка] и в начале эпохи последователей. Они возникли после сто двадцатого года от хиджры и после кончины всех сподвижников и именитых последователей, да будет доволен ими Аллах. <...> Говорили, что первой сочиненной по исламу книгой была книга Ибн Джурайджа о высказываниях и словах толкований [к Корану] Муджахида, ‘Аты и сподвижников Ибн ‘Аббаса, да будет доволен ими Аллах, в Макке. Затем — книга Му‘аммара б. Рашида ал-Сан‘ани в ал-Йамане, собравшего в ней передававшиеся пророческие традиции. Затем — книга *ал-Муватта’* Малика б. Анаса в ал-Мадине. Затем — “Свод” (*Джами’*) Суфйана ал-Саури. Затем, в четвертом веке возникли сочинения (*мусаннафат*) по (богословским) рассуждениям, часто вступающие в спор и погруженные в изничтожение высказываний [оппонентов]»...²

Однако, следует подчеркнуть, что в течение первых веков *хиджры* процесс перевода информации, т. е. вновь полученных религиозных знаний, с одного носителя (память людей) на другой (бумага) шел, начиная с Корана, постепенно, параллельно, а иногда и в конкуренции с традиционной изустной передачей — подобно тому как он идет и сейчас при очередной смене носителя (с бумажного на электронный). Именно поэтому первые книги рассматривались ригористами ислама как нововведения (*бид‘а*, *بدعة*) или новшества (*мухдас*, *محدث*), причем прежде всего как нововведения религиозные, а не литературные, поскольку основным критерием оценки всегда было то, что делали или чего не делали сподвижники пророка.

وكان أحمد بن حنبل ينكر على مالك في تصنيفه الموطأ ويقول: "ابتدع مالم تفعله الصحابة، رضى الله عنهم".

«Ахмад б. Ханбал, порицая Малика [б. Анаса] за сочинение (*тасниф*) им “ал-Муватта’”, сказал: “Он ввел то, чего не делали сподвижники, да будет доволен ими Аллах”»³.

² Абу Хамид Мухаммад ал-Газали ал-Туси, *Ихйа’ ‘улум ал-дин* (إحياء علوم الدين) ([Ал-Кахира], 1302/1885), i, с. 74. См. также русский перевод Ильшата Насырова: Абу Хамид Мухаммад аль-Газали ат-Туси, *Ихйа’ ‘улум ад-дин* («Возрождение религиозных наук»). I/1: *Первая четверть о видах поклонения*, пер. с араб. И. Р. Насырова, А. С. Ацаева (Москва, 2007), сс. 356—357.

³ Ал-Газали, *Ихйа’*, i, с. 74.

К этим первым книгам, напрямую относившимся к различным отраслям религии, по-видимому, и применялся поначалу термин *тасниф* (*таснифат*, *мусаннафат*) вне зависимости от того, что они из себя представляли и как были написаны *муджтахидами* научной литературы. Книги в иных сферах литературы, имевшие тогда крайне опосредованное отношение к религии, не требовавшие ученой степени и отличавшиеся дескриптивным характером изложения, допустим, сведений по географии, скорее всего, не попадали под категорию *таснифа* и, даже будучи первыми, могли быть только составлены (*та'лиф*).

Один из ранних каталогов средневековой литературы — «ал-Фихрист» (*الفهرست*) Ибн ал-Надима, написанный в X в., дает пищу для размышления по рассматриваемой проблематике. Автора каталога ни на йоту не интересовало то, что отмечается в современных каталогах, тяготеющих больше к кодикологии, нежели к текстологии. Указание, по примеру некоторых нынешних каталогов рукописей, количества строк на листе, размеров занимаемого текстом места и прочих малоинформативных, а порой и вовсе ненужных деталей, наверняка вызвало бы его недоумение. Напротив, его занимали, прежде всего, литературные и текстологические характеристики произведения, которые он старался по возможности указывать.

а) Первенство во отрасли, что само собой подразумевает введение новой методологии описания и появление жанрового образца (модели, формулы, паттерна) для последующего подражания ему или, наоборот, его изменения.

المروزي... — أحد المؤلفين للكتب في سائر العلوم، وكتبه عزيزة جداً. وهو أول من ألف في المسالك والممالك كتاباً، ولم يتمه...

«Ал-Марвази... — один из составителей книг о прочих науках, а книги его действительно редки. Он был первым, кто составил (*аллафа*) книгу о “Путиях и государствах” (“ал-Масалик ва ал-мамалик”), не закончив ее»...

الشطرنجيون الذين ألفوا في اللعب بالشطرنج كتباً:
العدلي — وله من الكتب كتاب الشطرنج — وهو أول كتاب، عمل في الشطرنج.

«Шахматисты, составившие (*аллафу*) книги об игре в шахматы:

Ал-‘Адли — из книг у него “Книга о шахматах” (“Китаб ал-шатрандж”) — первая книга, сделанная о шахматах.

الخليل بن أحمد — هو أول من استخراج العروض وخص به أشعار العرب وكان من الزهاد في الدنيا المنقطعين إلى العلم... له من الكتب المصنفة: كتاب العين <...> وحروفه على ما يخرج من الحلق واللهاوت، فأولها العين وبه سُمي...

«Ал-Халил б. Ахмад — он был первым, кто вывел ‘аруд и наделил им арабскую поэзию; он был из захидов в миру, посвятившим себя науке... Из сочиненных им книг: “Китаб ал-‘айн”... <...> Буквы в ней располагаются по тому, что выходит из гортани и с язычка [= гортанные и увулярные], а первая из них — ал-‘Айн, по ней она и названа».

Замечу, что в отличие от географии и тем более шахмат арабская грамматика вместе с языкознанием, по мнению того же ал-Газали, опосредованно, как необходимая предпосылка и инструмент для изучения, входила в сферу религиозных наук, ибо прочими науками, к примеру, коранистикой и хадисоведением без нее было бы просто невозможно заниматься:

ليست اللغة والنحو من العلوم الشرعية في انفسهما، ولكن يلزم الخوض فيهما بسبب الشرع.

«Языкознание и грамматика сами по себе не из числа шариатских наук, но в них необходимо вникнуть из-за шари‘ата»⁴.

Таким образом, «Китаб ал-‘айн» ал-Халила б. Ахмада подпадает под категорию *тасниф* сразу по двум критериям: как научное сочинение и за оригинальный подход, использованный при его написании. Причем, насколько можно судить по мере уделяемого внимания и акцентам, расставленным Ибн ал-Надимом в «ал-Фихристе», оригинальный подход имеет для него гораздо большее значение.

б) Следование методологии предшественников и подражание ей как при написании сочинений, так и при составлении компиляций.

هو عبيد الله بن أحمد بن أبي طاهر ويكنى أبا الحسن، سلك طريقة أبيه في التصنيف والتأليف.

«Он — ‘Убайд Аллах б. Ахмад б. Аби Тахир, по кунье Абу ал-Хасан, следовал методу своего отца в таснифах и та’лифах».

⁴ *Ibid.*, с. 15.

ابن خلد الرامهرمزي... — حسن التأليف، مليح التصنيف، يسلك طريقة الجاحظ.

«Ибн Халлад ал-Рамхурмузи... — прекрасен в та'лифах, прелестен в таснифах, следовал методу ал-Джахиза».

в) Заимствование из работ предшественников.

الرماني... — مفنن في علوم كثيرة من الفقه والقرآن والنحو والكلام. كثير التصنيف والتأليف. وأكثر ما يصنفه يؤخذ عنه إملاءً.

«Ал-Руммани... — разносторонний во многих науках из ал-фикха, ал-Корана, грамматики и (богословского) рассуждения. У него много таснифов и та'лифов. Из большинства им сочиненного взята орфография»⁵.

По-моему, сообщаемая Ибн ал-Надимом информация гораздо интереснее предлагаемой современными каталогами. Здесь важно отметить то, что автор уже в X в. проводит разницу между *таснифами* и *та'лифами*. Разумеется, он не читал всех книг, которые включил в свой каталог, да и не мог физически их прочитать. К тому времени они уже исчислялись сотнями, причем десятки из них были многотомными. Но этот, казалось бы, минус становится плюсом, так как автор каталога употребляет по отношению ко многим книгам определения *тасниф* (*тасаниф*, *мусаннафат*) или *та'лиф* (*та'лифат*, *му'аллафат*) исходя только лишь из их названий и статуса их авторов. В связи с чем определения Ибн ал-Надима, по логике вещей, должны отражать расхожие в те времена представления об определенных областях литературы, в которых могли или, напротив, не могли быть написаны сочинения и составлены компиляции.

3. Новые подходы и старые шаблоны

Есть достаточно свидетельств тому, как в какой-нибудь одной отрасли исламских наук одновременно могло существовать несколько различных подходов и методологий. Более того, они со временем изменялись, что закономерно приводило к изменению формул написания научной работы. И самый главный, а на мой взгляд, и наиболее интересный вопрос, ответить на который пока крайне затруднительно: почему происходили эти изменения, в силу каких объективных или субъективных причин? Не

⁵ Мухаммад ибн Исхак ал-Надим, *Ал-фихрист* (الفهرست) (Тунис, 1406/1985), сс. 659, 686, 199—201, 644, 682, 286 (соответственно цитатам).

рискуя отвечать на него здесь и сейчас, я приведу лишь ряд примеров из нескольких жанров научно-религиозной литературы: *ал-калама*, *тафсира*, *ал-фикха*, суфизма, агиографии и исто-риографии.

Ал-калам (الكلام) — букв. «слово» — область научно-религиозных исследований, представленная жанром богословского, теологического рассуждения, часто в виде опровержения (*radd 'ala...*, ...رد على) доктрин оппонентов. Начну с простого примера из текста «Воскрешения религиозных наук» («Ихйа' 'улум ал-дин», (احياء علوم الدين) ал-Газали. Там автор предвывает высказывание Ахмада б. Ханбала (ум. 855) об одном из сочинений ал-Хариса ал-Мухасибии (ум. 857), написанных в этом жанре, такими словами:

هجر الحرث المحاسبى مع زهده وورعه بسبب تصنيفه كتابا فى الرد المبتدعة وقال له: «ويحك! ألسنت تحكى بدعتهم أولاً ثم ترد عليهم؟ ألسنت تحمل الناس بتصنيفك على مطالعة البدعة والتفكر فى تلك الشبهات فيدعوهم ذلك الى رأى والبحث؟»

«Он [= Ибн Ханбал] расстался с ал-Харисом ал-Мухасибии, несмотря на его аскетизм и осмотрительность, из-за сочинения (*тасниф*) им одной книги об опровержении нововведенцев, сказав ему: “Горе тебе! Разве ты сначала не рассказываешь о каком-нибудь их нововведении и лишь затем опровергаешь их? Разве ты не подвигаешь людей своим *таснифом* к изучению этого нововведения и размышлению о тех сомнениях, что призывает их к самостоятельному суждению и изысканию?”»⁶

Это очень лаконичное, но емкое высказывание как раз и свидетельствует о различных подходах при написании религиозных сочинений в виде теологического опровержения. Возможно, ал-Мухасибии отошел от бытовавшего шаблона и попытался ввести новую формулу для их написания, но тут же получил отповедь Ибн Ханбала, привыкшего и ожидавшего увидеть традиционный для него подход: сначала приводить опровержение, а уж затем говорить о нововведении.

⁶ Ал-Газали, *Ихйа' 'у*, i, с. 88; ii, с. 145. Во втором томе «Ихйа'» ал-Газали вновь приводит этот пример, называя *тасниф* ал-Мухасибии «Опровержением му'тазилитов».

هجر الحرث المحاسبى فى تصنيفه فى الرد على المعتزلة وقال: “انك لا بد تورد أولاً شبهتهم وتحمل الناس على التفكير فيها ثم ترد عليهم.”

Более полную информацию о научных подходах, распространенных к XI—XI вв. в сочинениях жанра *ал-калам*, ал-Газали дает в своем известном произведении «Бесчестья Батинийи» («*فضائح الباطنية*», «*Фада'их ал-Батинийя*»). Будучи адресованным 'аббасидскому халифе ал-Мустазхиру (1094—1118), оно было направлено против религиозных притязаний исма'илитов. По-моему, это сочинение *имама*, которое он сам не раз именуется *таснифом*, на русский язык еще не переводилось. Я приведу из него практически полностью первую главу. В ней автор объясняет своему неискушенному адресату суть методологических формул, применявшихся в *ал-каламе*.

الباب الأول. في الإعراب عن المنهج الذي استنهجته في هذا الكتاب
 لتعلم أن الكلام في التصانيف يختلف منهجه: بالإضافة إلى المعنى غوصاً
 وتحقيقاً و تساهلاً و تزويقاً؛ و بالإضافة إلى اللفظ إطناباً و أسهاباً و اختصاراً
 و إيجازاً؛ و بالإضافة إلى المقصد كثيراً و تطويلاً و اقتصاراً و تقليلاً. فهذه ثلاثة مقامات.
 ولكل واحد من الأقسام فائدة و آفة.
 و أما المقام الأول، فالغرض — في الغوص و التحقيق و التعمق في أسرار
 المعاني إلى أقصى الغايات - التوقي من إزراء المحققين و قدح الغواصين، فإنهم إذا
 تأملوه فلم يصادفوه على مطابقة أوضاع الجدل و موافقة حدود المنطق عند النظر،
 استركوا عمل المصنف و استغنوا كلامه و اعتقدوا فيه التقاعد عن شأو التحقيق في
 الكلام و الانخراط في سلك العوام.
 ولكن له آفة و هي قلة جدواه و فائدته في حق الأكثرين. فإن الكلام إذا كان على
 ذوق المرء و الجدل، لا على مساق الخطاب المقتنع، لم يستقل بدركه إلا الغواصون
 ولم يتفطن لمغاصاته إلا المحققون.
 أما سلوك مسلك التساهل و الاقتصار على فن من الكلام، يستحسن في
 المخاطبات، ففائدته أن يستلذ وقعها في الأسماع، و لا تكلف عن فهمه و التفطن لمقاصده
 أكثر الطبايع. و يحصل به الإقناع لكل ذى حجب و فطنة و إن لم يكن متبحراً في العلوم.
 و هذا الفن من جوارب المدح و الإطراء و لكن من الظاهر بين. و آفته أنه من دواعى
 القدح و الإزراء و لكن من الغواصين.
 فرأيت أن أسلك المسلك المقتصد بين الطرفين، و لأخلى الكتاب عن أمور
 برهانية، يتفطن لها المحققون، و لاعن كلمات إقناعية، يستفيد منها المتوهمون، فإن
 الحاجة إلى هذا الكتاب عامة في حق الخواص و العوام، شامل جميع الطبقات من أهل
 الإسلام. و هذا هو الأقرب إلى المنهج القويم. فلما قيل: «*كَيْلا طرفي قصدُ الأمور
 ذمِيمٌ*».

Глава первая. Об изложении подхода, которому я последовал в этой книге

Тебе следует знать, что (богословское) рассуждение в таснифах отличается по своему подходу: в связи со смыслом оно либо в погружении и исследовании, либо в облегчении и вычурности; в связи с высказыванием оно либо

в словобилии и пространности, либо в сокращении и лаконичности; в связи с целью оно либо в избыточности и растянутости, либо в ограничении и краткости. Вот такие три позиции. И у каждого из этих разделов есть польза и напасть.

Что касается **первой позиции**, то корысть при погружении, исследовании и углублении в таинства смыслов — это оберегание себя от презрения исследователей и поношения ныряльщиков [за Истиной], ибо если они, рассматривая его [= рассуждение], не натолкнутся на его соответствие положениям диалектики и на согласованность пределам логики наблюдателей, то они найдут действие мусаннифа косным, а рассуждение его они найдут тщедушным, убеждаясь в том, что в своем рассуждении он отказался от предела исследования и пошел на поводу у простолоудинов.

Однако у нее [= у такой позиции] есть и напасть, а именно, — скудность прирбытка и пользы по отношению к большинству. Ведь если рассуждение бывает ради смакования сомнения и спора, а не ради приведения убедительного обращения, то сами справятся с его постижением лишь ныряльщики [за Истиной] и вникнут в его места погружения лишь исследователи.

Что же касается пути облегчения и ограничения каким-то видом рассуждения, одобряемым при обращениях, то его польза в том, что впечатление от него услаждает уши, а большинство натур не утомляются его пониманием и вниканием в его цели. Им вызывается убежденность у всякого обладателя ума и понятливости, даже если он не погружался в науки. Данный вид [рассуждения] является одним из поводов для похвалы и расхваливания, но — от верхоглядов. А напасть его в том, что он является одним из предлогов для поношения и презрения, но — от ныряльщиков [за Истиной].

Поэтому я посчитал, что последую умеренным путем между двумя крайностями, не лишая данную книгу вопросов, в которые вникнут исследователи, и убедительных замечаний, которыми воспользуются выдумщики, ибо нужна в данной книге общая по отношению и к избранным, и к простолоудином, включая все слои приверженцев ислама. Так будет ближе всего к правильному подходу. Ведь как часто говорилось: «Обе крайности в устремлении к вопросам — порицаемы».

Комментарий. Итак, объектом рассмотрения первой позиции, выделяемой ал-Газали в *ал-каламе*, является, прежде всего, адресат-читатель. С одной стороны, богословское рассуждение может быть строго научным, дотошным и ориентированным на узкий круг коллег-профессионалов (в терминологии *имама*: исследователей-ныряльщиков-избранных), с другой — популярным, доступным и рассчитанным на неспециалистов (простолудинов-большинства-верхоглядов-выдумщиков). В чем же, используя казенный ВАКовский язык, «научная новизна» подхода ал-Газали по данной позиции? Он, адресуя свое сочинение верховному правителю ($\approx$ президенту), не желает причислять его к первым, иначе это прозвучало бы необъективно, но и не относит его ко вторым, иначе это выглядело бы оскорбительно. *Имам* прибегает в современном понимании к промежуточному научно-популярному изложению в *ал-каламе*. Происходит ли это впервые или нет, можно будет судить только лишь при анализе работ его предшественников. Если же сравнить точку зрения *имама* со стилями изложения материала, принятыми в сегодняшней науке, то ясно видно, что ничего с конца XI в. не изменилось: научный-популярный—научно-популярный.

المقام الثاني: في التعبير عن المقاصد إطناباً وإيجازاً

وفائدة الإطناب — الشرح والإيضاح، المغنى عن عناء التفكير وطول التأمل، وأفته — الإملا. وفائدة الإيجاز — جمع المقاصد وترصيفها وإيصالها إلى الأفهام على التقارب. وأفته — الحاجة إلى شدة التصفح والتأمل لاستخراج المعاني الدقيقة من الألفاظ الوجيزة الرشيقة. والرأى في هذا المقام الاقتصاد بين طرفي — التفریط والإفراط، فإن الإطناب لاينفك عن إملا، والإيجاز لا يخلو عن إخلال. فالأولى الميل إلى الاختصار. فرب كلام قل ودل، وما أمل.

Вторая позиция: в словообильном и лаконичном выражении целей

Польза словообилия — объяснение и разъяснение, избавляющие от напряжения размышления и продолжительности рассматривания, а его напасть — скука. Польза же лаконичности — сведение целей, их сплачивание и доведение их взаимосближением до пониманий. Напасть ее — нужда в интенсивности перелистывания и рассмотрения ради извлечения точных смыслов из изящных лаконичных терминов. А [мое] мнение об этой позиции состоит в умеренности между двумя крайностями — нерадивостью и чрезмерностью, ибо словообилие неотделимо от скуки, а лаконичность не свободна от нарушения. Поэтому предпочтительнее

склонность к сокращению. И пусть иной раз рассуждение кратко и указующе, но оно не наскучивает.

Комментарий. На мой взгляд, *имам* продолжает сравнивать строго научный стиль богословского рассуждения со стилем, свойственным популярной литературе, но на этот раз по второй позиции: лаконичное изложение, с одной стороны, и изложение, при котором все выглядит доходчиво, не требует размышления и разжевано автором для читателя — с другой. Его мнение по этой позиции очевидно.

المقام الثالث: في التقليل والتكثير

ولقد طالعت الكتب المصنفة في هذا الفن، فصادفتها مشحونة بنفين من الكلام. [الفن الأول] في تواريخ أخبارهم واحوالهم من بدء أمرهم إلى ظهور ضلالهم، وتسمية كل واحد من دعواتهم في كل قطر من الأقطار وبيان وقائعهم فيما انقرض من الأعصار. فهذا فن أرى التشاغل به اشتغالا بالأسمار، وذلك أليق بأصحاب التواريخ والأخبار. فأما علماء الشرع، فليكن كلامهم محصوراً في مهمات الدين وإقامة البرهان على ما هو الحق المبين، فلكل عمل رجال.

والفن الثاني في إبطال تفصيل مذاهبهم [يعني] عقائد تلقوها من الثنوية والفلاسفة وحر فوها عن أوضاعها وغيروا ألفاظها قصداً للتغطية والتلبيس. هذا أيضاً لا أرى التشاغل به، لأن الكلام عليها وكشف الغطاء عن بطلانها بإيضاح حقيقة الحق و برهانها ليس يختص بالطائفة الذين هم نابتة الزمان.

Третья позиция: в краткости и избыточности

Изучив сочиненные по этому виду книги (*ал-кутуб ал-мусаннафа*), я натолкнулся на то, что они нагружены двумя видами рассуждения. [Первый вид] касается исторических сведений и перипетий о них [= о батинитах] с начала их дела до появления их заблуждения, поименование каждого из их призывателей (*да'и*) в каждой стране и разъяснение событий минувших эпох. Это вид, занимание себя которым я считаю занятием пересказами, а такое подобает более историкам и хронистам. Что же касается ученых в (Божественном) Законе, то их рассуждение должно быть ограничено важными религиозными вопросами и установлением доказательства для того, что является очевидной Истиной, ибо для каждого дела есть [свои] люди.

Второй вид касается подробного изничтожения их доктрин — убеждений, которые те восприняли от дуалистов и философов, вывернули со своих мест и изменили в них термины с целью укрытия и надувательства. Этим я также не считаю [достойным] себя занимать, поскольку рассуждение о них

[= об убеждениях], раскрытие покровов с их лживости путем изъяснения истины Истинного и ее доказательством не касаются той общины, которая представляет их нынешнее поколение.

Комментарий. По этой позиции ал-Газали выделяет два подхода в теологических рассуждениях, один из которых сравнивает с подходом, принятым в историографической литературе, в силу дескриптивного и хронологического характера обоих. При таком сравнении, на мой взгляд, проскальзывает намек на то, что собственно историография вообще не подпадает под категорию религиозной науки, являясь, по-видимому, неким развлекательно-досуговым занятием. Хотя возможно это впечатлительное обманчиво. Второй подход автор соотносит с видом опровержения (*radḍ*), который упоминался выше в связи с сочинением ал-Хариса ал-Мухасиб и реакцией на него со стороны Ахмада б. Ханбала. И тот и другой ал-Газали определяет через термины избыточность (*таксир*, تكثير) и растянутость (*тагвил*, تطويل). В противовес избыточности и растянутости изложения сам автор предпочитает ограничение и краткость, о чем и говорит далее.

فتجريد القصد إلى نقل خصائص مذاهبهم التي نfordوا باعتمادها عن سائر الفرق. هو الواجب المتعين، فلا ينبغي أن يؤمّ المصنف في كتابه إلا المقصد الذي يبغيه والنحو الذي يرومه وينتحيه، فمن حُسن إسلام المرء ترك ما لا يعنيه، وذلك مما لا يعنيه في هذا المقام، وإن كان الخوض فيه على الجملة ذبا عن الإسلام. ولكن لكل مقال مقام.
فلنقتصر في كتابنا على القدر الذي يعرب عن خصائص مذاهبهم وينبئه على مدارج حيلهم. ثم نكتشف عن بطلان شبههم بما لا يبقى للمستبصر ريب فيه، فتتجلى عن وجه الحق كدورة التمويه.

«Поэтому обозначившейся обязанностью является обнажить устремление для передачи особенностей их доктрин, которыми они выделились в качестве убеждения от прочих сект. А мусанниф в своей книге должен направляться лишь к той цели, которой он домогается, и лишь тем образом, которым он хочет и которому следует, ибо одна из прелестей ислама человека — отказ от того, что его не касается⁷, а именно,

⁷ Аллюзия на *ал-хадис ал-машхур* — من حسن إسلام المرء تركه ما لا يعنيه — который Ибн Раджаб, автор комментария «Фатх ал-Бари» к «Сахиху» ал-Бухари, поясняет так: «Из прелестей ислама человека — отказ от того, что его не касается и исполнение того, что его касается»

от того, что его не касается в данной позиции, даже если он, в общем, вступил в нее, защищая ислам. Ведь каждому высказыванию — своя позиция.

Итак, позвольте нам ограничиться в нашей книге той мерой, которая изложит нам особенности их [= батинитов] доктрины и обратит внимание на пути их уловок. Затем мы раскроем лживость их смешений [истинного с ложным], так что у всматривающегося не останется в ней никакого скепсиса, а с лица Истины будет устранена муть позолоты [= фальши]»⁸.

Для контраста здесь уместно привести образец предисловия к популярному *та'лифу* — «Китаб ал-милал ва ал-нихал» (كتاب الملل والنحل), скомпилированному в этом же жанре чуть более поздним современником ал-Газали, известным теологом Мухаммадом ал-Шахрастани (ум. 1153).

لما وفقني الله تعالى لمطالعة مقالات اهل العالم <...> ، والوقوف على مصادرها ومواردها واقتناص اوانسها وشواهدا، اردت ان اجمع ذلك في مختصر <...> ومنهم من قسمهم بحسب الاراء والمذاهب وذلك غرضنا في تأليف هذا الكتاب.

«И после того как при содействии Всевышнего Аллаха я изучил учения обитателей мира <...>, ознакомился с их источниками и истоками и извлек из них ценные и редкие сведения, я захотел собрать это в компендиум. <...> Некоторые из них делили [население] по взглядам и вероучениям, и это — наша цель при составлении (*та'лиф*) сей книги»⁹.

(بترك ما لا يعنيه وفعل ما يعنيه), означает, в первом смысле исполнение мусульманином обязательно предписанного (*ваджибат*) и отказ от заповеданного (*мухаррамат*) (فعل واجباته والانهاء عن محرماته). *Ал-мактаба ал-шамила*. CD, сс. 78—79 (гл. 1: «Ал-иман»). Большое спасибо Ильшату Насырову (Институт философии РАН) за присланный комментарий.

⁸ Ал-Газали, *Фада'их ал-Батиниййа* (فضائح الباطنية), под ред. 'Абд ал-Рахмана Бадави (Ал-Кахира, 1383/1964), сс. 7—10 (перевод дан без учета разночтений по спискам, привлеченным Бадави для издания).

⁹ Мухаммад ибн 'Абд ал-Карим аш-Шахрастани, *Китаб ал-милал ва-н-нихал* («Книга о религиях и сектах»). I: *Ислам*, пер. с араб., введ. и коммент. С. М. Прозорова (Москва, 1984), сс. 26—27 (перевод с мои-ми сокращениями).

На мой взгляд, разница настолько очевидна, что не увидеть ее просто невозможно. Если у ал-Газали — явное изучение и критический анализ доктрин батинитов и их опровержение, то у ал-Шахрастани — изучение религиозных толков ради извлечения и подборки из них ценных и редких сведений без какого-либо анализа и полемики; если ал-Газали говорит о новом подходе в религиозной критике, возможно, лишь декларативно, но, тем не менее, пытаюсь обосновать его новизну, то ал-Шахрастани использует уже избитую формулу для написания *та'лифа*. Поэтому упомянутые во введении к переводу отличительные черты этой компиляции, а именно «описательный характер изложения различных точек зрения», «беспристрастное и объективное изложение», стремление ал-Шахрастани «избегать всякой полемики», преодоление им «конфессиональной ограниченности и тенденциозности» — надо считать не заслугой автора и его позиции, как полагает переводчик¹⁰, а общепринятым на тот момент паттерном богословского *та'лифа*.

Ал-тафсир (التفسير) — букв. «толкование» — научные работы по данному направлению представляют жанр коранической экзегетики. Практически в тех же выражениях, какие ал-Шахрастани предпослал своему *та'лифу* по теологии, описывает свою компиляцию по мусульманской экзегетике спустя два века законовед-шафи'ит Мухаммад ал-Заркаши (ум. 1392) в передаче разносторонне образованного Джалал ал-Дина ал-Суйути (ум. 1505), который в своем предисловии к «Совершенству в коранических науках» («الاتقان في علوم القرآن», «ال-Иткан фи-'улум ал-Кур'ан», «الاتقان في علوم القرآن») говорит:

بلغني أن الشيخ الامام بدر الدين محمد بن عبدالله الزركشي <...> ألف كتابا في ذلك حافلا، يسمى البرهان في علوم القرآن <...> قال في خطبته: «...فاستخرت الله تعالى وله الحمد في وضع كتاب في ذلك جامع لما تكلم الناس في فنونه وخاضوا في نكته وعيونه».

«Мне стало известно, что шайх имам Бадр ал-Дин Мухаммад б. 'Абд Аллах ал-Заркаши <...> составил (*аллафа*) об этом объемную книгу, назвав ее “Доказательство в коранических науках” <...>. В своей хутбе он сказал: “...Я попросил благословения у Аллаха, слава Ему, в сложении этой книги,

¹⁰ См. «Введение» С. М. Прозорова к переводу, с. 23.

где собрал то, что люди говорили о разновидностях коранического знания, входя в его тонкости и глубины»¹¹.

Здесь вновь очевиден тот же сбор материала из различных работ предшественников, то же преобладание дескриптивности и тот же минимум научного анализа. Иначе говоря, налицо все те же принципы компиляции. Для сравнения приведу слова ал-Суйути о своем «ал-Иткане».

قوى العزم <...> على إبراز ما أضمّرتّه وشدّدت الحزم في انشاء التصنيف الذي قصدته <...> ورتبت أنواعه ترتيباً أنسب من ترتيب البرهان <...> وسميته بالإنشائي في علوم القرآن وسترى في كل نوع منه، ان شاء الله تعالى، ما يصلح أن يكون بالتصنيف مفرداً.

«Мое решение обнародовать то, что таится во мне, окрепло, и я еще больше захотел написать сочинение (*ал-масниф*), которое наметил. <...> Я упорядочил в нем виды более подобающим порядком, чем в “Доказательстве” [ал-Заркаши]. <...> Назвал я его “Совершенство в коранических науках”. Если будет угодно Аллаху, ты увидишь, что каждый упомянутый в нем вид заслуживает отдельного сочинения»¹².

Итак, уникальность «ал-Иткана», по словам автора, заключается в новом расположении материала по сравнению с работами его предшественников. Еще одно свое сочинение, написанное до «ал-Иткана», ал-Суйути также относит к категории *масниф*, правда, по другому критерию.

صنفت في ذلك كتاباً، سمّيته التحبير في علوم التفسير <...> فظهر لي استخراج أنواع لم يسبق إليها وزيادات مهمات لم يستوف الكلام عليها.

«Я сочинил (*саннафту*) об этом книгу, которую назвал “Письменное изложение наук толкования”. <...> Вот мне и пришлось в голову выделить [в ней] те виды знания, которые раньше не излагались, и добавить те важные вопросы, о которых прежде не говорилось»¹³.

¹¹ Джалал ад-Дин ас-Суйути, *Совершенство в коранических науках. I: Учение о толковании Корана*, введ. ст., перевод и коммент. Д. В. Фролова (Москва, 2000), с. 35 (перевод с моими сокращениями и незначительными изменениями).

¹² *Ibid.*, сс. 37—38 (перевод Д. В. Фролова с моими сокращениями и незначительными изменениями).

¹³ *Ibid.*, сс. 31—32 (перевод Д. В. Фролова с моими сокращениями и незначительными изменениями).

Ал-фикх (الفقه) — букв. «понимание, вникание» — основная отрасль мусульманской науки, представленная жанром юридической и правоведческой литературы. В ней написание *таснифы* наиболее жестко предопределено религиозным статусом автора. Т. е. он должен быть *муджтахидом* хотя бы по одному вопросу и обладать правом на письменное выражение своего суждения, которое так или иначе будет рассматриваться как авторитетное юридическое заключение его *мукаллидами*-последователями. В этой связи любая работа *муджтахидом*, «по жанровому умулчанию», будет формально восприниматься как нечто новое, даже если, по сути, она сделана по образцу работ предшественников и без каких-либо инноваций, о чем, очевидно, и говорит ал-Шахрагани:

بين الفريقين اختلافات كثيرة في الفروع، ولهم فيها تصانيف وعليها مناظرات <...> وليس بذلك تكفير ولا تضليل بل كل مجتهد مصيب كما ذكرنا.

«Между этими двумя школами [существуют] многочисленные разногласия по отраслям (*ал-фуру*) [фикха], по которым у них имеются таснифы и вокруг которых у них [ведутся] диспуты. <...> Но из этого не следует ни обвинение в неверии, ни обвинение в заблуждении. Нет, каждый муджтахид прав, как мы [уже] упомянули»¹⁴.

Тем не менее и в данной отрасли есть ярко выраженные *таснифы*. Здесь я ограничусь лишь одним примером из предисловия ал-Газали к «Ихйа'». В нем *имам* подчеркивает, что текст его книги отличается методологически от написанного прежде на этом же поприще его коллегами, тем самым явно причисляя свой труд к категории *тасниф*.

لقد صنف الناس في بعض هذه المعاني كتباً، ولكن يتميز هذا الكتاب عنها بخمسة أمور: الأول، حل ماعقدوه وكشف مأجلوه؛ الثاني، ترتيب ماابدوه ونظم ماقرروه؛ الثالث، ايجاز ماطولوه وضبط ماقرروه؛ الرابع، حذف ماكرروه واثبات ماحرروه؛ الخامس، تحقيق أمور غامضة اعتاصت على الأفهام لم يتعرض لها في الكتب أصلاً.

«По некоторым из этих понятий люди уже сочинили (*саннафа*) книги, однако данная книга отличается от них в пяти аспектах: во-первых, она развязывает то, что они связали, и раскрывает то, что они сжали; во-вторых, она упорядочивает то, что они рассеяли, и организует то, что раздели-

¹⁴ Аш-Шахрагани, *op. cit.*, с. 182 (перевод С. М. Прозорова с моими незначительными изменениями и сокращениями).

ли; в-третьих, она сокращает то, что они растянули, и фиксирует то, что они установили; в-четвертых, она удаляет то, что они повторяли, и подтверждает то, что они написали; в-пятых, она исследует темные аспекты, которые запутаны для понимания и вообще не затронуты в тех книгах»¹⁵.

Несложно заметить, что как ал-Газали в XI в., так и ал-Суйути уже в XV в. заявляют об исследовании соответственно в *ал-фикхе* и коранической экзегетике того, что до них еще никем не изучалось. Учитывая громадное количество уже написанного мусульманскими учеными к XI в., а тем более к XV в., трудно представить, какой степенью образованности и начитанности надо было обладать, чтобы сделать такое заявление. Но подвергать его сомнению в обоих случаях, по-видимому, нет никаких оснований.

Суфизм (*ал-масаввуф*, التصوف) — научно-религиозная литература в данной отрасли также характеризуется аналитическими оригинальными сочинениями и дескриптивными, шаблонными компиляциями. Как и в книгах по *ал-фикху*, здесь отмечается привязка к религиозному статусу автора, который для своих последователей выполнял функцию *имама*, будучи нередко и официальным *имамом* в каком-либо *мазхабе* и суфийским *шайхом* одновременно. Я приведу несколько примеров из книги Абу ал-Хасана ал-Худжвири (ум. между 1072 и 1077 гг.) «Раскрытие скрытого за завесой» («Кашф ал-махджуб», كشف المحجوب) — самой первой крупной работы по суфизму на персидском языке, где религиозный статус авторов напрямую связывается с правом писать *таснифы*.

Ал-Харис ал-Мухасиб (ум. 857) — имам <...> и шайх шайхов Багдада, <...> у него есть много таснифов (ويرا تصانيف بسيارست);

Абу Мухаммад Рувайм б. Ахмад (ум. 915) — имам эпохи, <...> в свое время бесподобный в отраслях знаний, <...> у него есть таснифы об этом тарикате (ويرا تصانيفست اندرين طريقته);

‘Амр б. ‘Усман ал-Макки (ум. 903 или 909) — один из великих и из саййидов приверженцев тариката, у него есть

¹⁵ Ал-Газали. *Ихйа’*, i, с. 4.

известные таснифы по истинам данной науки (ویرا تصانیف مشهورست اندر حقایق این علم);

Мухаммад б. ‘Али ал-Тирмизи (ум. ок. 910) — был совершенным и имамом в отраслях наук, одним из уважаемых шайхов; таснифов у него много, и прекрасных (ویرا تصانیف بسیارست و نیکو);

Абу ал-Касим ал-Кушайри (ум. 1072) — учитель-имам и украшение ислама <...>, он был изумительным в свое время, имел высокий чин и великий статус; <...> у него много изящных высказываний и ценных таснифов, во всех — исследование [Истины] (تصانیف نفیس جمله با تحقیق)¹⁶.

То же самое ал-Худжвири говорит и о ряде других выдающихся деятелей ислама и суфизма. Одновременно, характеризуя сочинения Хусайна б. ал-Мансура ал-Халладжа, казненного в 922 г. по обвинению в богохульстве за слова *Ана ал-Хакк* («Аз есмь Истинный»), ал-Худжвири невольно указывает на то, что в книгах может встречаться сочетание синтеза и анализа:

اندر کتب وی که مصنفات ویست بجز تحقیق چیزی نیست.

«В его книгах, являющихся его сочинениями (*мусаннафат*), нет ничего кроме исследования [Истины]»¹⁷.

Сам ал-Худжвири, обосновывая введение своего имени в текст книги, которую он, по всей видимости, относит к *таснифу*, выделяет в предисловии к ней три степени обработки информации: сбор, составление и сочинение. Однако в данном случае надо помнить о том, что автор очень много путешествовал, а значит — вводил солидный объем сведений из устной традиции в письменную. Возможно, именно по такому сочетанию личных впечатлений от встреч с известными суфиями с изложением сведений, почерпнутых им из арабских письмен-

¹⁶ Абу ал-Хасан ‘Али б. ‘Усман ал-Джуллаби ал-Худжвири ал-Газнави, *Кашиф ал-махджуб* («Раскрытие скрытого за завесой»), перс. текст, указ. и предисл. В. А. Жуковского (Ленинград, 1926), сс. 134; 170; 174—175; 177—178; 209 (соответственно приведенным цитатам). Смотреть надо персидский оригинал, поскольку в недавно изданном русском переводе с сокращенного английского перевода Р. Николсона (‘Али ибн ‘Усман аль-Худжвири, *Раскрытие скрытого за завесой. Старейший персидский трактат по суфизму*, пер. с англ. А. Орлова (Москва, 2004)) термин *тасниф* не отражен.

¹⁷ Ал-Худжвири, *Кашиф*, с. 334.

ных источников, «Кашф ал-махджуб» можно объективно приписать к *таснифу*, не говоря уже о том, что своей книгой ал-Худжвири положил начало жанру персоязычной научно-религиозной литературы по суфизму.

آنچ بابتداء کتاب نام خود اثبات کردم، مراد ازین دو چیز بود: یکی نصیب خاص و دیگر نصیب عام. آنچ نصیب عام بود، آنست کی چون جهلة این علم کتابی نو بینند کی نام **مصنف** آن بچند جای بران مثبت نباشد، نسبت آن کتاب بخود کنند و مقصود مصنف از آن بر نیاید کی مراد از **جمع** و **تألیف** و **تصنیف** کردن بجز آن نباشد کی نام **مصنف** بدان کتاب زنده باشد و خوانندگان و متعلمان ویرا دعاء خیر گویند.

То, что в начале книги я поставил свое имя, исходило из двоякого желания: одно — удел избранных, другое — удел общий. Что касается общего удела, то он — в том, что если невежественные в данном знании увидят какую-нибудь новую книгу, в которой имя ее мусаннифа не зафиксировано в разных местах, то они могут приписать такую книгу себе, из-за чего мусаниф не достигнет своей цели. Ибо желание собирать, составлять и сочинять (*джам* 'ва *та'лиф* ва *тасниф кардан*) заключается лишь в том, чтобы имя мусаннифа жило благодаря той книге, а читатели и обучающиеся помнили его добрыми молитвами.

По ряду признаков к *таснифу* объективно можно отнести и «Кимийа-йи са'адат» (Кимийа Садат) *имама* ал-Газали. Текст этого сочинения представляет собой не только изложение на родном автору персидском языке, сокращение и часто реструктуризацию представленного в «Ихйа' 'улум ал-дин» материала, но и введение нового на основе дополнительно привлеченных источников. Да и сам ал-Газали называет себя *мусаннифом* в конце «Кимийа», как и ал-Худжвири, упоая на благословенные молитвы читателей.

کتاب بر این ختم کنیم و امیدواریم که هر که این کتاب بخواند و از اینجا فایده گیرد که **مصنف** کتاب را به دعا فراموش نکند و از حق تعالی وی را عفو و آمرزش خواهد...

«На этом мы завершим книгу, надеясь, что каждый, кто прочитает данную книгу и извлечет отсюда пользу, не забу-

дет мусаннифа книги в молитве и попросит для него у Всевышнего Истинного прощения и помилования»...¹⁸

Агиография — жанр житийной, агиографической литературы, так сказать, мусульманские патерики; он имеет несколько видов — *макамат* (مقامات), *тазкира* (تذكرة), *манакиб* (مناقب) и др., четкие границы между которыми пока не установлены. Подавляющее число средневековых произведений, написанных в этом жанре, представляют собой дескриптивные компиляции, которые по источникам переданных сведений я склонен подразделять на первичные и вторичные. Предлагаемое деление на первичные и вторичные *та'лифы* не будет выглядеть умозрительным *бид'атом*, если принять во внимание слова газнавидского историка XI в. Абу ал-Фазла Мухаммада Байхаки, на одном из сочинений которого я остановлюсь чуть ниже, относительно уже существовавшей к тому времени традиции передачи информации о прошедших событиях:

اخبار گذشته را دو قسم گویند که آنرا سه دیگر نشانند: یا از کسی بیاید شنید
و یا از کتابی بیاید خواند. و شرط آن است که گوینده باید که ثقہ و راستگوی باشد و
نیز خرد گواهی دهد که آن خبر درست است.

«Известия о прошлом делят на два разряда, третьего для них не признают: их или нужно услышать от кого-либо, или же прочитать в какой-нибудь книге. Условие состоит в том, что говорящий [= информант] должен быть достойным доверия (*сикка*) и правдивым, ну и разум должен засвидетельствовать, что те известия верные»¹⁹.

Первичные *та'лифы* — источником для появления компиляции становится преимущественно устная традиция, при этом стиль письменного изложения материала повторяет заданный ранее жанровый образец, прототипом которого, скорее всего, является жизнеописание (*ал-сира*) пророка. Основная задача такого *та'лифа* — собрать, составить, минимально упорядочить материал по заданному образцу и ввести в таком виде в пись-

¹⁸ Ал-Газали, *Кимийа-йи са'адат* (کیمیای سعادت), под ред. Х. Хадивджама (Тихран, 1376/1997), ii, с. 638.

¹⁹ Абу ал-Фазл Мухаммад б. Хусайн Байхаки, *Тарих-и Байхаки* (تاریخ بیہقی), ба ихтимам-и д-р Гани и д-р Файйаз ([Тихран,] 1324/1945), с. 366.

менную традицию. Максимум передачи информации, минимум ее анализа.

В одном из ранних персоязычных *та'лифов* этого вида житейной литературы первой половины XII в. «Жизнь и речи старца Абу Са'ида Фазл Аллаха б. Аби ал-Хайра ал-Майхани» («Халат ва суханан-и шайх-и Абу Са'ид-и Фазл Аллах б. Аби ал-Хайр ал-Майхани»), (حالات و سخنان شيخ ابو سعيد فضل الله بن ابي الخير الميهني) составитель говорит об особенностях своей работы следующее:

چون جوهر آن عزیز را قدس الله روحه چندین شرف بود، مؤلف این کلمات در مدت عمر طالب آثار و انفس متبرک آن بزرگ می بود و در خاطر جمع می کرد و از کثرت علائق در تألیف این تکامل مینمود. چون استدعاء طالبان عاشق و رغبت مریدان صادق بسیار شد، از حق سبحانه و تعالی استعانت خواست در نوشتن و جمع کردن این کلمات...

«Так как у сущности того дорогого [= ал-Майхани], да освятит Аллах его дух, было много достоинств, то му'аллиф данных высказываний в течение жизни искал следы и благодатные дуновения того великого, собирая их в памяти и от избытка симпатий проявляя лень в их составлении (*та'лиф*). Когда же мольба любящих искателей и желание правдивых муридов возросли, тогда он испросил помощи у Всеславного и Всевышнего Истинного в написании и сборе (*джам* ') сих изречений»...²⁰

Вид первичного *та'лифа* прослеживается и в последующие века. Его характерной особенностью является то, что даже чистая подборка и компиляция материалов уже имеют право на отдельное, новое название, пусть в них не будет ни единого слова (!), сказанного компилятором от себя. Например, *шайх* братства Накшбандийа, *факих* Мухаммад Парса (ум. 1420), составляя послание «Святых изречений» («Кудсиййа», (قدسیه) Баха' ал-Дина Накшбанда, говорит достаточно недвусмысленно:

باشد که درین کلمات گفتن و نوشتن وجود این ضعیف در میان نباشد و این جمع و تألیف به برکت دعوات صالحه صاحب نظران سبب مزید درجات قربت گردد.

«Пусть высказывание и запись этих изречений не будут перемежаться присутствием сего немощного, а эта подборка

²⁰ *Халат ва суханан-и шайх-и Абу Са'ид... ал-Майхани* (حالات و سخنان شيخ ابو سعيد فضل الله بن ابي الخير الميهني) изд. перс. текста В. А. Жуковского (Санкт-Петербург, 1899), с. 6.

и компиляция (*джам' ва та'лиф*) благодатью благочестивых призывов прозорливых приведет к увеличению степеней близости [к Аллаху]»²¹.

И хотя рука *факиха* не удержалась от комментария, тем не менее задача была сформулирована вполне конкретно: первичный *та'лиф* в идеале не должен включать мысли собирателя и компилятора, его задача лишь передавать нарративную информацию.

Вторичные *та'лифы* — источником для появления компиляции становится преимущественно письменная традиция, т. е. в основном *та'лифы*, но иногда и *таснифы* предшественников.

Из агиографических сборников в качестве примера в значительной мере вторичного *та'лифа*, лишь отчасти дополненного событиями, свидетелем которых составитель стал при жизни или которые он почерпнул из устной традиции, можно привести высказывание *шайха* братства Накшбандийя 'Абд ал-Рахмана Джамии (ум. 1492) в его книге «Дуновения привязанности от присных святости» («Нафахат ал-унс мин хазарат ал-кудс», (نفحات الانس من حضرات القدس). *Шайх* сам определяет его как *джам'* и *та'лиф*, хотя и предваряет его обзором основного понятийного аппарата суфизма.

مأمول از مکارم اخلاق و مراسم اشفاق مطالعه کنندگان آن که چون ایشان را از یمین انفاس طیبیه اولیاء الله و فیض ارواح مقدسه ایشان وقت خوش گردد، متصدی و باعث این جمع و تألیف را که به جهت اشتغال بر نفحات انفاس طیبیه مشایخ که از حظایر قدس رسیده و بر مشام جان مشتاقان محاضر انس و رزیده، مسمی می گردد به نفحات الانس من حضرات القدس، از گوشه خاطر فرو نگذارند و به دعای خیر یاد آرند.

«Достойные черты характера и традиции сострадания у изучающих [эту книгу] обнадеживают в том, что когда станет им отраднo от доброго знака приятных высказываний приближенных Аллаха и излияния их духов святых, то они не отринут из уголков [своей] памяти и помянут доброй молитвой взявшегося и побудившегося на этот сбор и составление (*джам' ва та'лиф*), которые из-за охвата дуновений приятных высказываний *шайхов*, дошедших из оплотов святости и воспитавших у обоняния душ вожделеющих при-

²¹ Х^ваджа Мухаммад б. Мухаммад Парса-йи Бухарайи, *Кудсийа* (قدسیه), предисл., примеч. и ред. А. Тахири 'Ираки (Тихран, 1354/1975), с. 7.

существование привязанности, именуется «Дуновения привязанности от присных святости»²².

Образец полностью вторичной компиляции, основанной лишь на сведениях из ранее написанных *та'лифов*, демонстрирует труд известного проповедника Хусайна б. 'Али ал-Ва'иза ал-Кашифи (ум. 1504/5) «Сад мучеников» («Раузат ал-шухада'», (روضة الشهداء), посвященный трагически погибшим внукам пророка — шиитским *имамам* ал-Хасану и ал-Хусайну — и их потомкам.

این فقیر الحقییر حسین الکاشفی، اید الله باللطف الخفی، بتألیف نسخه که جامع حالات اهل بلاء از انبیاء و اصفیاء و شهداء <...> در وی مسطور و مذکور بود، اشتغال نماید.

«Сей презренный нищий, Хусайн ал-Кашифи, да подержит его Аллах скрытой милостью, занялся составлением (*та'лиф*) списка, в котором были бы описаны и упомянуты все жития людей испытания из пророков и избранных, шахидов»...²³

Ta'rix / tarix (تاریخ / تاریخ) — букв. «история; дата» — работы, написанные по данному направлению, представляют жанр летописной, историографической литературы. Из всех отраслей мусульманской науки этот жанр наиболее полно изучен современным востоковедением, будучи представлен в нем многочисленными исследованиями, изданиями оригинальных текстов и переводами исторических сочинений²⁴. Однако при этом не приходится говорить о введении в научный оборот исконной арабо-персидской терминологии, отделяющей новаторские сочинения от шаблонных компиляций.

В основном мусульманская историография покоится на вторичных *та'лифах*, каждый из которых, как правило, примыкает к *та'лифу* более раннего историографа, дополняясь в конце со-

²² 'Абд ал-Рахман Нур ал-Дин Джамии, *Нафахат ал-унс мин хазарат ал-куде* (نفحات الانس من حضرات القدس), предисл., ред. и указатели М. 'Абиди (Тихран, 1382/2003), сс. 2—3.

²³ Хусайн б. 'Али ал-Кашифи, *Раузат ал-шухада'* (روضة الشهداء), рук. С 519, ИВР РАН, лл. 9в—10а.

²⁴ Укажу лишь на одну из самых последних и наиболее скрупулезных работ в области арабской историографии: К. Franz, *Kompilation in Arabischen Chroniken. Die Überlieferung vom Aufstand der Zanğ zwischen Geschichtlichkeit und Intertextualität vom 9. bis ins 15. Jahrhundert* (Berlin, 2004).

бьтиями, происходившими при жизни составителя. Вот, к примеру, как описывает придворный тимуридский историк Хафиз-и Абру (ум. 1431) задание, данное ему Шахрухом:

چنين گوید مؤلف اين تاليف <...> که <...> شاهرخ <...> بناير شعیفی که بمطالعة احوال گذشتگان دارد، خواست که جنگی در فن تواریخ ترتیب نماید، بکتاب تاریخ طبری و جامع التواریخ <...> رشید الحق والدین فضل الله <...> اشارت فرمود. و چون آن کتاب در آخر دولت سلطان مرحوم مغفور غازان خان <...>، اشارت خاطر همایون ملتفت آن شد که از آن وقت باز شرح احوال و افعال و تقیید اخبار آثار ملوک و سلاطین تا بایام همایون و روزگار میمون بر ترتیب مفصل گشته الی یومنا که تاریخ هجری بهشتصد و بیست رسیده است، در قید کتابت آید چنانچه جامع التواریخ رشیدی را ذیلی باشد. این بنده را مأمور گردانید که از نسخ متفرق این واقعات را جمع گردانند...

«Так говорит му'аллиф сего та'лифа <...>, что <...> Шахрух <...> в восторге от изучения перипетий ушедших [правителей] пожелал, дабы [еще] один сборник навел порядок в отрасли исторических хроник, сделав указание на книгу *Tarix* Табари и на “Джами‘ ал-таварих” <...> Фазл Аллаха Рашид ал-Хакк ва ал-Дина <...>. Поскольку та книга [была написана] в конце владычества прощенного покойного султана Газан-хана <...>, то указание августейшей мысли было обращено на то, чтобы в переписку вошло описание перипетий и поступков с записью известий о деяниях владык и султанов, начиная с того времени вплоть до августейших дней и счастливой эпохи, подробным образом до нашего дня, уже достигшего по хиджре даты 820 [= 1417 г.], так чтобы оно было приложением к [летописи] *Джами‘ ал-таварих* Рашиди. Он повелел сему рабу собрать (джам‘) эти события из различных рукописей»...²⁵

Однако среди всего этого компилятивного однообразия довольно редко, но все-таки встречаются удивительные жемчужины творчества. В раннесредневековой персидской историографии такой жемчужиной является «История Байхаки» (*Tarix-i Baihaqi*, *تاریخ بیهقی*), или, как ее иногда называют, «История Мас'уда» («Тарих-и Мас'уди», *تاریخ مسعودی*), упоминавшегося выше Абу ал-Фазла Байхаки, высокопоставленного чиновника

²⁵ Шихаб ал-Дин ‘Абд Аллах б. Лутф Аллах б. ‘Абд ал-Рашид ал-Х^бафи, прозванный Хафиз-и Абру, *Зубдат ал-таварих* (زبدة التواریخ), предисл., коммент. и примеч. Х.-Б. Байани (Тихран, 1317/1938), i, сс. 1—2.

посольского *дивана* и раннего современника ал-Газали, писавшего об эпохе Газнавидов и скончавшегося в 1077 г. уже при Салджукидах.

Альфред Карлович Арендс (ум. 1976) в нескольких местах текстологического исследования к своему очень качественно выполненному переводу «Тарих-и Байхаки» абсолютно справедливо замечает: «Существовавшая в ту пору историография перестала удовлетворять Абу ал-Фазла и он, нарушая привычный канон, внес в нее ряд новшеств, которые сразу же доставили его труду превосходство над произведениями старых хронистов. <...> Такой манеры повествования мы у других писателей той эпохи не встречаем. Это, очевидно, на языке Абу ал-Фазла означало “выметать прах из всех углов и закоулков” и было в ту пору новово». Примечательно и то, что ряд читавших текст зарубежных востоковедов, по словам переводчика, затруднялись найти название для такого исторического сочинения, именуя его то «записками умного наблюдателя», то «мемуарами», то «дневником газнавидского чиновника». «Однако, — заключает Арендс, — сам автор всюду называет свой труд словом *ta'rix*, т. е. хроникой, историей, летописью, и нам думается, “Историю Мас‘уда” так и следует рассматривать, ибо тогда Абу ал-Фазл Байхаки предстает перед нами как новатор, попытавшийся придать историографии новую форму и влить в нее новое содержание. <...> В результате, благодаря его достоинствам отличного стилиста, писательскому таланту и литературному вкусу появилась на свет не только насыщенная разнообразными фактами правдивая летопись, как можно судить по “Истории Мас‘уда”, но одновременно и замечательное для той эпохи произведение художественной прозы. Подчас даже становится трудно решить, какому аспекту его труда отдать преимущество: историческому или литературному»²⁶. Bravo, Альфред Карлович! Этим сказано все, что нужно было сказать. Лучше тут и не выразишься. Остается только добавить, что такова характеристика довольно редкого явления в средневековой историографии — исторического *маснифа*.

---

²⁶ Бейхаки, *История Мас‘уда*, пер. с перс. А. К. Арендса (Ташкент, 1962), сс. 6, 15, 27 («От переводчика»). Текст всей книги, правда, с большим количеством опечаток, не выявленных после сканирования и распознавания печатной версии, доступен также на сайте: <http://www.vostlit.info>.

Сам Байхаки, прекрасно осознавая оригинальность своего *Тариха* и его отличие от работ предшественников на этом же поприще, более десятка раз именуется его *таснифом* и, как мы видим по впечатлениям и оценкам уже наших современников, вполне объективно.

در دیگر تواریخ چنین طول و عرض نیست که احوال را آسانتر گرفته اند و شمه بیش یاد نکرده اند، اما من چون این کار پیش گرفتم، میخوام که داد این تاریخ بتمامی بدهم وگرد زوایا وخبایا بر گردم تا هیچ چیز از احوال پوشیده نماند. <...> در تاریخی که من میکنم، سخنی نرانم که آن بتعصیبی و تزبدی کشد وخوانندگان این **تصنیف** گویند: “شرم باد این پیررا!” بلکه آن گویم که تا با من خوانندگان اندرین موافقت کنند و طعنی نزنند... <...> این حالها استاد محمود وراق سخت نیکو شرح داده است در تاریخی که کرده است در سنه خمسین ثلاثمانه، چندین هزار سال را تا سنه تسع و اربعمائه بیاورده و قلم را بداشته بحکم آنکه من ازین تسع آغاز کردم. و این محمود ثقه و مقبول القول است و در سنایش وی سخن دراز داشتم و تا ده پانزده **تالیف** نادر وی در هر بابی دیدم.

«В прочих историях нет такой пространности, ибо они смотрели на события проще и упоминали лишь толику [из них]. Я же, взявшись за этот труд, хочу полностью воздать сему “Тариху” по справедливости и вымести прах из всех углов и закоулков, дабы ничто из происходившего не осталось сокрыто. <...> В “Тарихе”, который я делаю, я не обмолвлюсь ни единым словом, могущим повести к пристрастным толкам и омрачению, дабы читатели этого таснифа не говорили: да будет стыдно сему старику! Наоборот, я расскажу такое, в чем читатели со мной согласятся и никакого упрека мне не выразят. <...> Эти события весьма прекрасно описал уstad Махмуд Варрак в “Тарихе”, который он [начал] делать в триста пятидесятом году [= 961/2], введя [в него] несколько тысячелетий до лета четырехста девятого [= 1018/9]. Он остановил перо в силу того, что я начал [свой *Тарих*] с этого девятого года. Сей Махмуд — достойный доверия (*сикка*), с его мнением считаются. В похвалу ему у меня имелось пространное слово. Я видел до десяти-пятнадцати его редких та’лифов по разным вопросам²⁷.

Вопрос о том, прижилась ли в персидской историографии новаторская формула *таснифа* Байхаки — детальное изложение

²⁷ Idem, *Тарих-и Байхаки*, сс. 11, 179, 261—262. Автор именуется свой труд *таснифом* также на сс. 273, 396, 421, 453, 466, 499, 527, 563, 630, 640, 656, 667 и 680.

истории Газнавидов, основанное на внутренних государственных документах и сопровождаемое личными впечатлениями составителя этих документов, с тем чтобы стать образцом для подражания в последующих *та'лифах* данного жанра литературы, — на мой взгляд, пока следует оставить открытым. Он требует дополнительного изучения с точки зрения существовавшей оппозиции *тасниф—та'лиф*, хотя Арендс полагал, что «стиль и манера Абу ал-Фазла Байхаки, к сожалению, не привились в литературной прозе на языке фарси-дари, и в последующие эпохи к ним не возвращались»²⁸.

Арабская историография также не лишена подобных сюрпризов. Мало кто из современных арабистов не знаком с *Тарихом* Ибн Халдуна (ум. 1406), который сам автор назвал «Книгой поучений...» («Китаб ал-'ибар»..., ... كتاب العبر). Какими только превосходными эпитетами не характеризовали и продолжают характеризовать это произведение и его автора востоковеды-историки вместе с современными европейскими, арабскими и иранскими философами. Благодаря этой книге и Введению («ал-Мукаддима», المقدمة) к ней, которое еще при жизни автора приобрело самостоятельное значение, Ибн Халдун именуется и отцом социологии, и родоначальником политологии, и историком-философом, и еще Бог знает кем. Все эти дифирамбы, возможно, оправданы, но сейчас речь не об этом.

Дело в том, что в историографии Ибн Халдун тоже применил новаторскую формулу, о которой он сам говорит в предисловии к «ал-Мукаддиме». Оно написано рифмованной прозой, предназначенной, прежде всего, для чтения вслух преподавателем и прослушивания учениками во время занятий. Сами по себе рифмованные зачины к средневековым научным работам ко времени Ибн Халдуна отнюдь не являлись редкостью как для сугубо религиозной литературы, так и для историографической. К примеру, ал-Газали начинает ей каждую из сорока книг «Ихйа'», ей же он предваряет основной текст своего «Эликсира счастья» («Кимийа-йи са'адат», كیمیای سعادت). В этой форме, которая очевидно способствовала не только лучшему запоминанию студентами «лекционного» материала на слух, но, скорее всего, нагружалась еще и иными функциями (как минимум, нечто вроде современной аннотации или резюме содержания работы), Ибн Халдун весьма критично анализирует эволюцию

²⁸ Idem, *История Мас'уда*, с. 33 («От переводчика»).

всей предшествующей историографии, награждая порой очень нелестными эпитетами некоторых из своих коллег. Мне, к сожалению, не удалось поддержать в руках не так давно изданный русский перевод этого сочинения²⁹, но, боюсь, что от рифмованной прозы оригинала, крайне трудно поддающейся равноценному переводу на любой язык, в нем не осталось и следа. Поэтому я приведу несколько выдержек из «ал-Мукаддимы», заявляющих об оригинальности предпринятого Ибн Халдуном методологического подхода.

ثم جاء آخرون بإفراط الاختصار
 وذهبوا إلى الاكتفاء بأسماء الملوك والافتصار،
 مقطوعة عن الأنساب والأخبار،
 موضوعة عليها أعداد أيامهم بحروف الغبار،
 كما فعله ابن رشيق في ميزان العمل
 ومن اقتفى هذا الأثر من الهمل.
 وليس يُعتبر لهؤلاء مقال،
 ولا يُعدّ لهم ثبوت ولا انتقال،
 لما أذهبوا من الفوائد
 وأخلّوا بالمذاهب المعروفة للمؤرخين والعوائد.
 لما طالعت كُتُب القوم،
 وسبّرت غور الأمس واليوم،
 نبّهت عين القريحة من سنة الغفلة والنوم،
 وسمّيت التصنيف من نفسي وأنا المفلس أحسن السوم،
 فأنشأت في التاريخ كتاباً،
 رفعت به عن أحوال الناشئة من الأجيال حجاباً،
 وفصلته في الأخبار والاعتبار باباً باباً،
 وأبدت فيه لأوليّة الدول والعمران عللاً وأسباباً.
 فهدّيت مناحيه تهذيباً،
 وقربته لأفهام العلماء والخاصة تقريباً.
 وسلكت في ترتيبه وتبويبه مسلكاً غريباً،
 واخترعته من بين المناحي مذهباً عجيباً وطريقة مبتدعة وأسلوباً...
 فجاء هذا الكتاب فذاً بما ضمّنته من العلوم الغربية
 والحكم المحجوبة القريبة...

²⁹ Ибн Хальдун, «Прологомены к “Книге поучительных примеров и дивану сообщений о днях арабов, персов и берберов и их современников, обладавших властью великих размеров”», *Мировая экономическая мысль: сквозь призму веков. I: От зари цивилизации до капитализма*, ред. Г. Г. Фетисов (Москва, 2004).

Затем пришли другие к чрезмерности сокращения
и дошли до довольствования именами владык и ограни-
чения,

отсекая генеалогии и сведения,
накладывая на них числа их дней литерами праха³⁰,
как проделал такое Ибн Рашик в «Мизан ал-‘амал»³¹
и те, кто последовал сему памятнику из (неприкаянных)
верблюдов.

Не почитается, что этими [историками] сказано,
не числится за ними подтвержденность, и нет [сведе-
ний] передачи,

после того как извели они пользы
и нарушили методы, известные историкам, и [их] обы-
чай.

После того как изучил я книги людей
и опробовал глубину [дня] вчерашнего и сегодняшнего,
пробудил я источник таланта от года беспечности
и спячки,

выставил на продажу тасниф от себя, и я, банкрот, как
можно лучше делающий продажу,

сладив об истории книгу,
приподняв в ней с перипетий, возникающих от [смены]
поколений, завесу,

разделив ее по сведениям и [их] значению глава к главе
и показав в ней для происхождения государств и цивили-
заций причины и предпосылки...

Обтесал [= поправил] я ее стороны обтесом,
приблизив ее к пониманию ученых и избранных сбли-
жением.

Последовал я в ее упорядоченности и оглавлении путем
редким,

³⁰ Идиома, подразумевающая обозначение даты, к примеру, смерти известного человека с помощью слова, у каждой буквы в котором есть свое числовое значение, присвоенное ей в арабском алфавите.

³¹ Рискну предположить, что недошедший до нас *Мизан ал-‘амал* тоже причислялся своим автором, Хасаном б. Рашиком (ум. 1064 или 1070), к категории историографического *таснифа* по признаку неординарности подхода, чем он, собственно, и привлек внимание Ибн Халдуна.

изобретя средь [всех] сторон метод дивный, способ новаторский и стиль...

И стала сия книга уникальной, потому что вложил я в нее знания редкие и премудрости скрытые (завесой), близкие³².

Вот такие авторские характеристики книги, прямо скажем, не исполненные традиционной скромности и самоуничижения, но, наверное, не очень далекие от объективности, так как, похоже, что они совпадают с современной оценкой этого *таснифа*. Чтобы еще раз наглядно увидеть разницу в подходах, я приведу отрывки из предисловия Ибн ал-Асира (ум. 1233) к своему *та'лифу* «Совершенный в истории» («ал-Камил фи ал-тарих», (في التاريخ الكامل). Хотя Ибн ал-Асир и не столь искусен в рифмованной прозе, как Ибн Халдун, он, тем не менее, тоже пытается предварить ею свой труд.

وقد أرخ كل منهم إلى زمانه وجاء بعده من ذيل عليه
وأضاف المتجددات بعد تاريخه إليه.
والشرقي منهم قد أخل بذكر أخبار الغرب،
والغربي قد أهمل أحوال الشرق.

И каждый из них [= историков] уже написал историю вплоть до своего времени, а за ним пришел тот, кто дополнил его

и после его тариха прибавил новые [сведения] к нему.

Восточник из них уже нарушил упоминание сведений с запада,

а западник уже пренебрег перипетиями с востока.

فكان الطالب، إذا أراد أن يطالع تاريخاً، احتاج إلى مجلدات كثيرة وكتب متعددة مع ما فيها من الإخلال والإملا.

فلما رأيت الأمر، كذلك شرعت في تأليف تاريخ جامع لأخبار ملوك الشرق والغرب وما بينهما... ولأقول إنني أتيت على جميع الحوادث المتعلقة بالتاريخ...، ولكن أقول إنني قد جمعت في كتابي هذا ما لم يجتمع في كتاب واحد... فابتدأت بالتاريخ الكبير الذي صنفته الإمام أبو جعفر الطبري... فأخذت ما فيه من جميع تراجمه، لم أخل بترجمة واحدة منها... فلما فرغت منه، أخذت غيره من التواريخ المشهورة، فطالعتها وأضفت منها إلى ما نقلته من تاريخ الطبري ما ليس فيه...

³² ‘Абд ал-Рахман ибн Халдун, *Мукаддима* (مقدمة) (Байрут, 1421/2001), сс. 8—10.

«И если вознамерится искатель [= студент] изучить историю, то потребуются ему многие тома и многочисленные книги со [всем] тем, что в них нарушено и скучно.

Увидев такое дело, я таким же образом начал составлять (*та'лиф*) всеобщую историю по сведениям о владыках с востока и с запада, и с тех [территорий], что между ними... Не говорю я, что добрался до совокупности событий, связанных с этим тарихом..., однако говорю я, что уже собрал в моей книге то, что не собрано ни в одной книге... И начал я с “Большой истории” (“ал-Тарих ал-кабир”), сочиненной имамом Абу Джа‘фаром ал-Табари... И взял я то, что есть в ней из совокупности его изъяснений, не нарушив из них ни одно изъяснение... Освободившись от этого, взял я прочее из известных тарихов, изучив их и добавив из них к тому, что я передал из «Тариха» ал-Табари и чего в нем нет»³³.

На мой взгляд, подходы Ибн Халдуна и Ибн ал-Асира разительно отличаются друг от друга. Из приведенных отрывков видно, что Ибн ал-Асир взял за основу известный *Тарих* ал-Табари (ум. 923), написанный за два с лишним столетия до того, повторил его и дополнил событиями, произошедшими за этот период и отмеченными в локальных хрониках. Иными словами, он последовал уже давным-давно проторенным в историографии путем, применив избитый шаблон вторичного *та'лифа*, не раз и не два использовавшийся и до него, и после него.

4. Заключение

Появление и эволюцию *та'лифа* как вида научного творчества, по-видимому, надо связывать с развитием системы мусульманского образования, главной особенностью которого было изучение книг конкретных ученых. Некоторые из дошедших до нас средневековых книг не являются авторскими в современном понимании, т. е. написанными непосредственно самими

³³ Ибн ал-Асир, *Ал-камил фи ал-тарих* (الكامل في التاريخ) (Байрут, 1407/1987), I, сс. 6—7. Недавно в Узбекистане издан русский перевод, по-видимому, какой-то части этого многотомного текста, который, к сожалению, пока мне (и, думаю, не только мне) недоступен: idem, *Ал-камил фи-т-тарих* («Полный свод истории»), пер. с араб. П. Г. Булгакова и Ш. С. Камолидина (Ташкент, 2006).

авторами, но представляют собой своего рода «заверенные» конспекты студентов, прослушавших тот или иной курс или точнее, ту или иную книгу на заседаниях (مجالس), в кружках (حلقات) или на семинарах (مذاكرات) мусульманских ученых³⁴. Отдельные студенты старших курсов создавали из конспектов (تعليقة), переписанных на лекциях разных преподавателей или сделанных по разным книгам, свои *джам* 'ы и *та'лифы* на темы, более всего вызывавшие их личный интерес или удовлетворявшие запросам тогдашнего интеллектуального рынка. Уже из «ал-Фихриста» Ибн ал-Надима ясно видно, что кто-то из вчерашних студентов делал составление *та'лифов* под заказ средством зарабатывания на жизнь. По-моему, нечто подобное можно наблюдать и в наши дни с той лишь разницей, что средневековые мусульманские компиляторы, получая за свою работу положенное вознаграждение, не выдавали заказчика работы за автора компиляции, как это делается сегодня, а только указывали его имя во введении.

Такая работа напоминает сбор элементов мозаики, когда каждый профессиональный компилятор мог составить свой собственный узор по уже заданному традицией образцу из имеющегося или вновь поступившего на интеллектуальный рынок материала: казалось бы, он не создавал ничего нового, а лишь упорядочивал то, что оказалось в его распоряжении, но это была стандартизованная авторская компиляция, авторский свод или подборка. Огромное количество трудов, упоминаемых исследователями в связи с тем или иным именем мусульманского учебного средневековья, порой поражает воображение: ал-Газали — от 100, Фахр ал-Дин ал-Рази (ум. 1209) — от 200, ал-Суйути — 600 и т. д., а ведь иные из них многотомные! Но все встает на свои места, если учитывать, что средневековые ученые отнюдь не гнушались написанием *та'лифов*.

Другое дело — *тасниф*, завершающая степень обработки информации — классификация материала, анализ и выводы.

---

³⁴ Укажу лишь на одну из последних работ, дающую наиболее детальную картину функционирования механизма передачи информации (знаний) и обучения в раннем исламе; в ней также приведена обстоятельная библиография по вопросу: S. Günther, “Assessing the sources of classical Arabic compilations: the issue of categories and methodologies”, *British Journal of Middle Eastern Studies* XXXII/1 (London: 2005), pp. 75—98.

Это высший вид научного творчества, высший пилотаж научной мысли, требующий незаурядного уровня подготовки, в контексте средневековой науки — высокого религиозного статуса. Конечно же, *тасниф* включает в себя принцип авторского со- ставления, однако с иным акцентом: если в *та'лифе* все-таки заметна хронологическая (в *макаматах* — от рождения до смерти *шайха*; в *табакатах*, *тазкиратах* и исторических хро- никах — от какого-то момента в прошлом до времени, в кото- ром живет компилятор) или какая-то иная направленность, то для *таснифа* она не нужна, ибо в идеале *мусанниф* должен рас- положить в своей книге подаваемый материал уникально, что, надеюсь, мне удалось показать на конкретных примерах. В *тас- нифе* он тоже использует компиляторские приемы вторичного *та'лифа* (ведь все *мусаннифы* когда-то были студентами), но служат они здесь иной цели — показать новую грань исследуе- мого предмета, применив декларативно или фактически новый научный подход в исследовании, о чем *мусанниф* не преминет указать в предисловии к своей книге, что также было видно по отрывкам из сочинений мусульманских ученых. В некоторых *таснифах*, принимая во внимание приемы компиляции, исполь- зуемые при их написании и характерные для вторичных *та'лифов*, разумеется, вполне возможен больший уклон в ту или иную сторону. Поэтому на сегодня пока трудно сказать, какая степень обработки информации и какое процентное соот- ношение между синтезом и анализом должны быть в одной кни- ге, чтобы объективно назвать ее *таснифом*, а ее автора — *му- саннифом* в случае, если, к примеру, мы лишены авторского предисловия или читаем анонимное или приписываемое ко- му-либо сочинение.

В свете сегодняшних российских реалий эти виды научного творчества, на мой взгляд, допустимо для полной ясности срав- нить с написанием реферата, квалификационной или дипломной работы студентом — стандартизованный вторичный *та'лиф*, с одной стороны, и докторской диссертации, которая в идеале, конечно, должна быть *таснифом*, — с другой. Кандидатская диссертация в данной парадигме предстает неким сочетанием того и другого, имея в каждом конкретном случае больший ук- лон либо к *та'лифу*, либо к *таснифу*. И как сегодняшний «ос- тепененный» ученый при желании может составить простую компиляцию студенческого уровня или выше, так и средневеко- вый *мусанниф* мог одновременно быть и *му'аллифом*, собрав

и составив, например, житие своего учителя или *шайха*, тогда как *му'аллифом* мог стать, по-видимому, вообще любой грамотный человек, получивший более или менее хорошее религиозное образование (а другого тогда не было).

Надеюсь, в этом вынужденно кратком исследовании мне удалось поднять проблему видов научного творчества в средневековом исламе и показать, что она существует и требует пристального внимания при работе с источниками, в первую очередь нуждающимися в идентификации по виду творчества, а уж затем по жанру, как при их переводе на русский язык, так и при составлении разного рода каталогов, в которых на сегодня, к сожалению, не всегда отражаются указания составителей *та'лифов* и сочинителей *таснифов*, сделанные ими в предисловиях относительно того, что представляет собой их труд.